

ILMIY-AMALIY JURNAL

Impact Factor: 5.394

ISSN 2181-0958

DOI 10.26739/2181-0958

YURISPRUDENSIYA

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ | JURISPRUDENCE

7 JILD, 2

2026

YURISPRUDENSIYA

7 ЖИЛД, 2 СОН

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

ТОМ 7, НОМЕР 2

JURISPRUDENCE

VOLUME 7, ISSUE 2

Bosh muharrir:
Главный редактор:
Chief Editor:

SALAEV NODIRBEK
O'zbekiston Respublikasi Odil sudlov akademiyasi
professor, Yuridik fanlar doktori.

Bosh muharrir o'rinbosari:
Заместитель главного редактора:
Deputy Chief Editor:

RUSTAMBEKOV ISLAMBEK
Toshkent davlat yuridik universiteti
Yuridik fanlar doktori, professor.

TAHRIRIY HAY'AT A'ZOLARI | РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ |

Mas'ul kotib | Ответственный секретарь | Responsible secretary:

DAVRONOV ATOBEK
Toshkent davlat yuridik universiteti jinoyat-protsessual huquqi kafedrasida o'qituvchisi,
PhD yuridik fanlari bo'yicha falsafa doktori.

KARIMOV FARHOD
Siyosiy fanlar doktori, dotsent,
A. Avloniy nomidagi
Malaka oshirish instituti prorektori;

BAZAROVA DILDORA
Toshkent davlat yuridik universiteti
yuridik fanlar doktori, professor;

IMOMOV NURILLO
Toshkent davlat yuridik universiteti fuqarolik huquqi
kafedrasida mudiri, yuridik fanlar doktori, professor;

KHAIRIEV NODIRJON
O'zbekiston Respublikasi Jamoat xavfsizligi universiteti
professori, yuridik fanlar doktori, dotsent;

NEMATOV JURABEK
Toshkent davlat yuridik universiteti
ma'muriy va moliyaviy huquq kafedrasida
dotsenti, yuridik fanlar doktori, dotsent;

ISMAILOV SHUKHRATJON
Toshkent davlat yuridik universiteti mehnat
huquqi kafedrasida mudiri, yuridik fanlar doktori;

KHABIBULLAEV DAVLATJON
Toshkent davlat yuridik universiteti fuqarolik
protsessual va xo'jalik protsessual huquqi kafedrasida
mudiri, yuridik fanlar nomzodi, professor;

OCHILOV KHASAN
Yuridik fanlari bo'yicha falsafa
doktori (PhD), dotsent;

IBROKHIMOV JAMSHID
Yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD);

GAFUROVA NOZIMAKHON
Toshkent davlat yuridik universiteti xalqaro
huquq va inson huquqlari kafedrasida mudiri,
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD), dotsent;

NARZIEV OTABEK
Toshkent davlat yuridik universiteti xususiy
xalqaro huquq kafedrasida i.o. professori,
yuridik fanlar doktori;

MUSAEV BEKZOD
Toshkent davlat yuridik universiteti
konstitutsiyaviy huquq kafedrasida mudiri, yuridik fanlar
bo'yicha falsafa doktori (PhD), dotsent;

MURATAEV SERIKBEK
Jahon iqtisodiyoti va diplomatiya universiteti dotsenti,
yuridik fanlar nomzodi;

KAMALOVA DILDORA
Yuridik fanlar doktori, professor;

YUSUPOV SARDORBEK
Toshkent davlat yuridik universiteti ma'muriy va
moliyaviy huquq kafedrasida mudiri, yuridik fanlar bo'yicha
falsafa doktori (PhD), yuridik fanlar doktori, dotsent;

KHUJAEVA SHOKHJAKHON
Toshkent davlat yuridik universiteti
intellektual mulk huquqi kafedrasida mudiri,
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD);

CHORIEVA DILBAR
dotsent, yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD).

Page Maker | Верстка | Sahifalovchi: Xurshid Mirzaxmedov

Editorial staff of the journals of www.tadqiqot.uz
Tadqiqot LLC The city of Tashkent,
Amir Temur Street pr.1, House 2.
Web: <http://www.tadqiqot.uz/>; Email: info@tadqiqot.uz
Phone: (+998-94) 404-0000

Контакт редакций журналов. www.tadqiqot.uz
ООО Тадqiqot город Ташкент,
улица Амира Темура пр.1, дом-2.
Web: <http://www.tadqiqot.uz/>; Email: info@tadqiqot.uz
Тел: (+998-94) 404-0000

МУНДАРИЖА | СОДЕРЖАНИЕ | CONTENT

1. АНТИМОНОПОЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНТИКОНКУРЕНТНЫХ СОГЛАШЕНИЙ ПРИ АЛГОРИТМИЧЕСКОМ ЦЕНООБРАЗОВАНИИ	5
Курбонова Комилабону Рамзбек кизи	
2. МЕДИАЦИЯ В ТРУДОВЫХ СПОРАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПЫТА УЗБЕКИСТАНА, США И СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА.....	14
Мавлонова Нигина Баходировна	
3. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН.....	23
Бозорова Заринабону Олимжон кизи	
4. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕДИАЦИИ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРАКТИКА.....	36
Мавлонова Нигина Баходировна	
5. РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН: ПРАВОВЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....	47
Абраев Хасан Чориевич, Чориева Дурдона Хасановна	
6. ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННАЯ СВЯЗЬ В НЕМЕЦКОМ И УЗБЕКСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ.....	54
Алиев Бобур Шерзодович	
7. МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ, ОСНОВАННЫХ НА ЦИФРОВЫХ АКТИВАХ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН.....	64
Шодмонова Муслимахон Йигиталиевна	
8. УЮШГАН ЖИНОЯТЧИЛИК МИЛЛИЙ ХАВФСИЗЛИККА ТАХДИД.....	74
Дўстов Мамарасул Абдуллаевич	
9. АЙБГА ИҚРОРЛИК ТЎҒРИСИДА КЕЛИШУВ: ХОРИЖИЙ ВА МИЛЛИЙ ТАЖРИБА ҚИЁСИЙ ТАҲЛИЛИ.....	82
Яҳё Махмудов	
10. КВАЗИСУБЪЕКТЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ГЕНЕЗИС, ТРАНСФОРМАЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ.....	85
Абдужабборов Жавлонбек Пахлавон угли	
11. PROBLEMS OF THE FIDUCIARY DUTY OF MAJORITY SHAREHOLDERS IN UZBEKISTAN.....	94
Asliddin Ataullo ugli Habibullayev	

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННАЯ СВЯЗЬ В НЕМЕЦКОМ И УЗБЕКСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.21498805>

Алиев Бобур Шерзодович,

Теория и практика применения уголовного законодательства

Ташкентский государственный юридический университет

E-mail: alvbsh05@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена сравнительно-правовому анализу причинно-следственной связи в уголовном праве Германии и Узбекистана как категории, связывающей деяние и наступивший результат в преступлениях с материальным составом. Цель исследования - выявить сходства и различия в теоретических основаниях установления причинности, нормативно-правовом регулировании, судебной практике и проблемах доказывания, а также сформулировать рекомендации по повышению качества правоприменения. Методологически работа опирается на функционально-сравнительный и догматический подходы с привлечением первоисточников (StGB/StPO и практика Bundesgerichtshof; УК/УПК Узбекистана и акты Верховный суд Республики Узбекистан), а также современных научных публикаций на русском и немецком языках за последние три десятилетия. Показано, что немецкая модель сочетает широкий фактический тест *conditio sine qua non* (*Bedingungstheorie*) с последующей нормативной фильтрацией через объективное вменение (*objektive Zurechnung*), тогда как в Узбекистане причинность одновременно выступает предметом обязательного доказывания в УПК и конкретизируется через разъяснения Пленума и официальные обзоры практики.

Ключевые слова: причинно-следственная связь; уголовное право; доказательство; *conditio sine qua non* (*Bedingungstheorie*); объективное вменение (*objektive Zurechnung*); адекватная причинность (*adäquate Kausalität*); множественность причин; альтернативная причинность; экспертиза; судебная практика; Германия; Узбекистан.

NEMIS VA O‘ZBEK JINOYAT HUQUQIDA SABAB-OQIBAT BOG‘LANISHI

Aliyev Bobur Sherzodovich,

Toshkent davlat yuridik universiteti

«Jinoyat qonunchiligini qo‘llash nazariyasi va amaliyoti»

E-mail: alvbsh05@gmail.com

Annotatsiya: Maqola Germaniya va O‘zbekiston jinoyat huquqida sabab-oqibat bog‘lanishini, ya’ni moddiy tarkibli jinoyatlarda qilmish bilan kelib chiqqan natijani

bog'lovchi kategoriya sifatida qiyosiy-huquqiy tahlil qilishga bag'ishlangan. Tadqiqotning maqsadi sababiylikni aniqlashning nazariy asoslari, normativ-huquqiy tartibga solinishi, sud amaliyoti va isbotlash muammolaridagi o'xshashlik hamda farqlarni aniqlash, shuningdek, huquqni qo'llash sifatini oshirish bo'yicha tavsiyalar ishlab chiqishdan iborat. Metodologik jihatdan ish funksional-qiyosiy va dogmatik yondashuvlarga, birlamchi manbalarga (StGB/StPO va Bundesgerichtshof amaliyoti; O'zbekiston Respublikasi JK/JPK hamda O'zbekiston Respublikasi Oliy sudi hujjatlari), shuningdek, so'nggi uch o'n yillikdagi rus va nemis tillaridagi zamonaviy ilmiy nashrlarga tayanadi. Maqolada nemis modeli keng faktik test - *conditio sine qua non* (Bedingungstheorie)ni obyektiv *vmene*niye (objektive Zurechnung) orqali keyingi normativ filtrlash bilan birlashtirishi, O'zbekistonda esa sababiylik JPKda majburiy isbotlash predmeti sifatida namoyon bo'lishi va Plenum tushuntirishlari hamda rasmiy sud amaliyoti sharhlari orqali aniqlashtirilishi ko'rsatiladi.

Kalit so'zlar: sabab-oqibat bog'lanishi; jinoyat huquqi; isbotlash; *conditio sine qua non* (Bedingungstheorie); obyektiv *vmene*niye (objektive Zurechnung); adekvat sababiylik (adäquate Kausalität); sabablar ko'pligi; alternativ sababiylik; ekspertiza; sud amaliyoti; Germaniya; O'zbekiston.

CAUSAL LINK IN GERMAN AND UZBEK CRIMINAL LAW

Aliev Bobur Sherzodovich,

“Theory and Practice of the Application of Criminal Legislation”

Tashkent State University of Law

E-mail: alvbsh05@gmail.com

Abstract: The article is devoted to a comparative legal analysis of causation in the criminal law of Germany and Uzbekistan as a category connecting an act with the resulting consequence in offences with a material corpus delicti. The purpose of the study is to identify similarities and differences in the theoretical foundations for establishing causation, legal regulation, judicial practice and evidentiary problems, as well as to formulate recommendations for improving the quality of law enforcement. Methodologically, the research is based on functional-comparative and dogmatic approaches and draws on primary sources (the StGB/StPO and the practice of the Bundesgerichtshof; the Criminal Code and Criminal Procedure Code of Uzbekistan and acts of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan), as well as modern scholarly publications in Russian and German over the last three decades. The article shows that the German model combines the broad factual test of *conditio sine qua non* (Bedingungstheorie) with subsequent normative filtering through objective attribution (objektive Zurechnung), whereas in Uzbekistan causation is both a mandatory subject of proof under the Criminal Procedure Code and is specified through Plenum explanations and official reviews of judicial practice.

Keywords: causal link; criminal law; proof; *conditio sine qua non* (Bedingungstheorie); objective attribution (objektive Zurechnung); adequate causation

(adäquate Kausalität); plurality of causes; alternative causation; expert examination; judicial practice; Germany; Uzbekistan.

Введение

Причинность в уголовном праве находится на границе факта и нормы. Даже если в естественно-научном смысле деяние является одним из условий результата, уголовно-правовая ответственность за последствие требует установить юридическую релевантность этого условия и связь результата с формой вины. Практически это проявляется в сложных причинных конфигурациях, травма осложняется лечением, ДТП развивается как серия взаимосвязанных нарушений, результат наступает через поведение потерпевшего или при наличии конкурирующих причинных версий, которые нельзя просто игнорировать. В таких ситуациях причинная связь становится не абстрактной философской категорией, а структурой судебного рассуждения, которая должна быть доказана и мотивирована.

Актуальность обращения к данной теме обусловлена тем, что именно причинно-следственная связь выступает одним из центральных элементов в делах о преступлениях с материальным составом. Недостаточно установить сам факт противоправного поведения лица; необходимо также показать, что наступившее последствие находится в юридически значимой связи с этим поведением. На практике именно на этом этапе возникают наибольшие трудности, поскольку уголовное судопроизводство сталкивается не только с вопросом фактического происхождения результата, но и с проблемой его нормативной оценки.

Сравнение немецкого и узбекского уголовного права представляет особый интерес потому, что обе правовые системы решают сходную задачу разными средствами. В немецкой доктрине основное внимание сосредоточено на разграничении фактической причинности и объективного вменения (*objektive Zurechnung*), тогда как в узбекском праве акцент заметнее смещён в сторону процессуального доказывания причинной связи, оценки экспертных заключений и разъяснений судебной практики. Такой сравнительный подход позволяет лучше понять не только различия между моделями, но и общие закономерности уголовно-правового приписывания результата.

Основная часть

Немецкое уголовное право не содержит единой статьи, определяющей причинную связь; причинность выводится из структуры результатных составов и закрепляется доктриной и практикой, прежде всего BGH. При этом § 13 StGB показывает, что при вменении результата в делах о бездействии решающими становятся не только фактические, но и нормативные элементы: “Wer es unterläßt, einen Erfolg abzuwenden ist nur dann strafbar, wenn er rechtlich dafür einzustehen hat...”[1]. Перевод: “Кто не предотвращает результат, наказуем лишь тогда, когда юридически обязан отвечать за ненаступление результата”. Уже в этой норме видно, что уголовно-правовое вменение результата зависит не от одной фактической связи, а от юридически очерченной сферы обязанностей

(гарантного положения), что заранее подводит к идее нормативной релевантности причинности.

Процессуальную рамку доказывания причинности в Германии задаётся следующим: “Суд решает по своему свободному убеждению, сформированному из совокупности разбирательства”[2]. Данная норма важна тем, что причинность - это вывод суда. Эксперт помогает реконструировать механизм, но суд сопоставляет экспертные выводы с другими доказательствами и должен мотивировать, почему достигнута уверенность, исключая разумное сомнение, в том числе в научно спорных случаях.

Причинная связь в Узбекистане прямо включена в предмет доказывания. Материально-правовую рамку задаёт УК Республики Узбекистан, исходящий из принципа ответственности за виновное общественно опасное деяние и тем самым исключая чистое объективное приписывание результата без вины. УПК устанавливает, что для направления дела в суд и обвинительного приговора должны быть доказаны, в том числе, причинная связь между деянием и наступившими общественно опасными последствиями[3]. Стандарт сомнений нормативно выражен: “Все сомнения в виновности должны разрешаться в пользу...”[3]. Для дел о смерти и вреде здоровью значимо и то, что экспертиза обязательна по вопросам причины смерти, характера и степени тяжести телесных повреждений[3]. Причинная связь — необходимый признак объективной стороны[6]. Таким образом, причинность в узбекской модели одновременно объект доказывания и зона экспертизы, но окончательный вывод остаётся правовым и судебным, а не сугубо медицинским.

Пленум Верховного суда конкретизирует причинность для типовых категорий. По делам о телесных повреждениях подчёркнуто, что “Ответственность... предполагает наличие причинной связи...”[7]. Одновременно разъясняется, что если последствия хотя и связаны с противоправными действиями, но наступили из-за автономных обстоятельств (включая ненадлежащую медпомощь или действия потерпевшего) и не охватывались умыслом, основания для результатной квалификации отсутствуют. В транспортной сфере причинная связь имеет прямую формулировку как обязательный признак и требует исключать из обвинения нарушения, не связанные с последствиями[8], что превращает причинность в организационный принцип формулирования обвинения.

Немецкая доктрина начинает анализ с фактической причинности по формуле *conditio sine qua non*[9] (*Bedingungstheorie*), то есть, причинным является условие, которое нельзя мысленно устранить без исчезновения конкретного результата. Однако столь широкая причинность быстро приводит к переприписыванию последствий, если не ввести нормативные ограничения. Почти любое предшествующее событие можно описать как условие результата. Поэтому вторым шагом выступает объективная вменяемость (*objektive Zurechnung*), акцентирующая то, что результат должен быть не просто фактически связан с деянием, но и являться реализацией юридически порицаемого риска, созданного субъектом, в пределах защитной цели

нарушенной нормы. Эта конструкция важна именно как юридическое сужение причинности внутри объективной стороны. Она не отменяет принцип вины, а задаёт границы приписывания результата до обсуждения субъективной стороны.

Адекватная причинность (*adäquate Kausalität*) исторически ограничивала *Bedingungstheorie* через критерий типичности по жизненному опыту; в современной немецкой доктрине многие её функции выполняются через *objektive Zurechnung* (через оценку риска и цели охранительной нормы), а типичность используется как вспомогательный аргумент при оценке крайне атипичных причинных цепей. Главный практический конфликт не в том, чтобы назвать причину, а в том, чтобы отделить нормативно релевантную причинность от конкурирующих факторов (состояния потерпевшего, вмешательства третьих лиц, альтернативных механизмов наступления последствий) и, главное – доказать суду.

Решение 5 StR 720/92 (BGHSt 39, 195) закрепляет альтернативную причинность (*alternative Kausalität*): Если потерпевший умирает вследствие последствий двух выстрелов, оба выстрела причинны для результата”[10]. Юридический смысл позиции состоит в том, что причинность не исчезает лишь потому, что другой фактор тоже был достаточен для смерти; иначе право теряло бы способность приписывать результат в ситуациях переопределённости и фактически создавало бы лазейку для ответственности.

Дело 2 StR 221/94 (BGHSt 41, 206; «Holzschutzmittel») задаёт стандарт доказывания причинности при научной неопределённости. BGH формулирует, что даже при отсутствии научного консенсуса судья может прийти к убеждению о причинной роли фактора на основе оценки совокупности индий и научных мнений: “Даже если нет единства... суд может прийти к убеждению... на основе оценки релевантных индий и научных мнений”[11]. В самом тексте решения дополнительно раскрывается процессуальный стандарт, а именно то, что для установления причинных связей не требуется абсолютная непрерываемая достоверность; достаточно уровня уверенности, который не оставляет разумных сомнений при оценке доказательств средствами уголовного процесса, при условии уважения к научным стандартам там, где вывод может быть сделан лишь научным методом.

Решение 4 StR 223/15 демонстрирует связку причинности и охвата причинного хода умыслом в многоактной ситуации. Ключевая формула: “Причинным является любое условие, которое привело к результату”[4]. То есть, причинная связь отрицается лишь тогда, когда последующее событие устраняет действие первоначального условия и самостоятельно открывает новую причинную цепь к результату; параллельно дело показывает, как суд связывает причинный анализ с вопросом существенного/несущественного отклонения фактического причинного хода от представляемого умыслом.

В Узбекистане прецедентный материал для причинности в открытых источниках представлен главным образом разъяснениями Пленума и обзорами практики. Пленум 2015 № 10 по транспортным преступлениям требует установить, какие конкретные нарушения находятся в причинной связи с

последствиями, и прямо указывает, что нарушения, не связанные с последствиями, подлежат исключению из обвинения; таким образом, причинность выполняет функцию “очистки” обвинения уже на уровне формулирования предмета доказывания.

Официальный обзор практики по уголовным делам[5] (IV квартал 2024 года; тафтиш-порядок) содержит кейс 1-1008-2203/817, где причинность и доказанность обвинения были поставлены под сомнение из-за дефектов экспертизы и альтернативной версии происхождения травмы. В обзоре указано, что на месте события не установлено доказательств наличия лестницы, а потерпевший не смог однозначно подтвердить получение травмы именно в конфликте, допуская получение травмы позже при падении во время игры. Также отмечено наличие выводов специалиста о несоблюдении требований к проведению и методике судебно-медицинской экспертизы и итоговый вывод о невозможности признать доказательства достаточными, достоверными и допустимыми, что привело к оправданию. Этот кейс демонстрирует, что причинность в узбекской модели рушится прежде всего из-за слабой фактической базы экспертного вывода и неустранённых альтернатив, а не из-за абстрактного несогласия с общей теорией.

Немецкая конструкция причинности обычно описывается как двухшаговая. Фактическая причинность по *Bedingungstheorie* и нормативное ограничение через *objektive Zurechnung*, с отдельным слоем анализа субъективного охвата причинного хода. Узбекская конструкция функционально также многоуровневая, но институционализирована иначе. Причинность прямо названа предметом доказывания, а её предельные случаи формулируются через пленумные критерии и через процессуальные правила (сомнения в пользу лица; требования к экспертизе как обязательному доказательственному инструменту в делах о здоровье/смерти). Поэтому различается и профиль риска ошибок. В немецкой модели типовая опасность - недостаточная нормативная аргументация границ приписывания результата при многозвенных цепях; в узбекской - недоказанность причинности из-за дефектов экспертизы и неполной проверки альтернатив.

Центральный риск для следствия и суда - конкурирующие причины. Если альтернативы не исключены, причинность может не достигнуть требуемого уровня доказанности, что в узбекской модели напрямую активирует правило сомнений. Вторая проблема - научная неопределённость. Немецкий подход допускает индициальную общую оценку причинности, но требует методологической мотивировки и корректного обращения с научным спором, включая раскрытие релевантных доводов за и против спорных методик и выводов.

Практическая значимость сравнительного анализа проявляется также в том, что причинность редко устанавливается одним доказательством. В типичном уголовном деле она складывается из совокупности показаний, протоколов осмотра, медицинских документов, заключений экспертов, цифровых следов и логической реконструкции последовательности событий.

Поэтому для правоприменителя важно не смешивать два вопроса: что именно произошло в фактическом плане и почему это событие должно быть юридически приписано конкретному лицу. Если суд ограничивается ссылкой на заключение эксперта без анализа исходных данных, временной последовательности и возможных альтернатив, мотивировка причинной связи становится формальной. Напротив, качественное решение должно показывать, какие версии были проверены, какие исключены, и почему оставшаяся версия соответствует требованиям уголовно-процессуального доказывания.

Особое значение имеет различие причинности при действии и при бездействии. При активном действии суд обычно выясняет, выступило ли поведение лица условием результата и не была ли причинная цепь прервана самостоятельным вмешательством другого фактора. При бездействии вопрос формулируется иначе: могло ли должное действие предотвратить результат и существовала ли у лица специальная обязанность действовать. В немецком праве это связано с гарантным положением, а в узбекской практике аналогичный вопрос возникает при оценке обязанностей должностных лиц, водителей, медицинских работников, родителей или иных субъектов, на которых возложена обязанность предотвращать вред. В таких случаях причинность нельзя сводить к бытовому утверждению «не помог - значит причинил». Требуется установить реальную возможность предотвращения результата, объем обязанности, предвидимость развития событий и связь нарушения этой обязанности с наступившим последствием.

Для узбекского правоприменения полезным может быть более последовательное использование трехступенчатой схемы мотивировки. На первой ступени устанавливается фактический механизм результата: время, место, последовательность действий, характер повреждений, технические или медицинские условия. На второй ступени оцениваются альтернативные версии: естественное развитие болезни, действия самого потерпевшего, ошибки третьих лиц, независимые технические неисправности, случайные обстоятельства. На третьей ступени формулируется юридический вывод: создан ли обвиняемым запрещенный риск, реализовался ли именно этот риск в последствии и охватывается ли причинный ход соответствующей формой вины. Такая схема не требует механического заимствования немецкой доктрины *objektive Zurechnung*, но позволяет использовать ее сильную сторону - ясное отделение фактической обусловленности от нормативного вменения результата.

Кроме того, причинность должна быть отражена не только в приговоре, но и на ранних стадиях обвинения. Если формула обвинения перечисляет несколько нарушений, но не показывает, какое из них повлекло конкретное последствие, защита фактически лишается возможности предметно спорить о причинной связи. Поэтому в делах о дорожно-транспортных происшествиях, профессиональной неосторожности, причинении вреда здоровью и смерти необходимо описывать причинную цепь максимально конкретно: какое правило нарушено, какой риск это нарушение создало, каким образом риск перешел в реальный вред и почему иные обстоятельства не разрывают связь. Такой подход

повышает проверяемость судебного решения, укрепляет состязательность процесса и снижает вероятность отмены приговора из-за неполной мотивировки.

Наконец, сравнительный материал показывает необходимость аккуратного обращения с экспертным знанием. Эксперт отвечает на специальные вопросы: механизм травмы, скорость транспортного средства, медицинскую причинность, вероятность наступления смерти или степень вреда здоровью. Но эксперт не должен подменять суд в решении вопроса о юридическом вменении. Суд обязан проверить, были ли эксперту предоставлены полные материалы, не построено ли заключение на непроверенных предположениях, согласуются ли выводы с другими доказательствами и можно ли объяснить расхождения между несколькими заключениями. Если такие расхождения сохраняются, мотивировка должна прямо показывать, почему одному выводу отдано предпочтение перед другим. Это особенно важно в делах, где результат мог наступить от совокупности причин: первоначальной травмы, позднего обращения за медицинской помощью, индивидуального состояния организма потерпевшего или последующего поведения третьих лиц. В этих ситуациях задача суда состоит не в поиске единственной «абсолютной» причины, а в установлении того, является ли деяние обвиняемого юридически значимым звеном в цепи наступления результата.

Такой подход одновременно защищает права обвиняемого и интересы потерпевшего, поскольку решение основывается не на предположениях, а на проверяемой логике доказательств. Он также облегчает кассационную и апелляционную проверку, потому что вышестоящий суд видит не только итоговый вывод, но и путь рассуждения по существу дела.

Заключение

Немецкая модель обеспечивает концептуально структурированное сужение широкой причинности через *objektive Zurechnung* и развивает стандарты судебной уверенности в условиях научной неопределённости. Узбекская модель закрепляет причинность как обязательный объект доказывания и поддерживает единообразие через Пленум и обзоры практики. Наиболее уязвимое звено в обеих системах - проверка альтернативных причин; в узбекском контексте это особенно связано с качеством судебно-медицинских экспертиз и полнотой фактической базы, на которой они строятся.

Проведённое сравнение показывает, что дальнейшее развитие подходов к причинности в обеих системах должно быть связано с более чётким разграничением фактического установления причины и её юридической оценки. Для немецкого права это означает сохранение баланса между широкой формулой *conditio sine qua non* (*Bedingungstheorie*) и ограничительным потенциалом объективного вменения (*objektive Zurechnung*). Для узбекского права особенно важным остаётся повышение качества доказывания, прежде всего в части проверки альтернативных версий, полноты собирания исходных данных и корректности экспертных исследований.

Таким образом, причинно-следственная связь должна рассматриваться не как формальный элемент состава преступления, а как сложная правовая

конструкция, соединяющая материально-правовые и процессуальные начала. От того, насколько последовательно суд и органы расследования устанавливают эту связь, зависит обоснованность квалификации, справедливость уголовной ответственности и устойчивость судебных решений. Именно поэтому исследование причинности сохраняет не только теоретическую, но и выраженную практическую значимость для современного уголовного права Германии и Узбекистана.

Сноски/Iqtiboslar/References:

1. Strafgesetzbuch [StGB] (German Criminal Code), § 13, Gesetze im Internet (Laws on the Internet). from <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/index.html>
2. Strafprozessordnung [StPO] (German Code of Criminal Procedure), § 261, Gesetze im Internet (Laws on the Internet). from <https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/index.html>
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan). (1994, September 22). Art. 82. Lex.uz. <https://lex.uz/docs/111463><https://lex.uz/docs/111463>
4. Bundesgerichtshof [BGH] (Federal Court of Justice). (2015, December 3). Urteil 4 StR 223/15 (Judgment 4 StR 223/15), HRRS 2016 Nr. 77. HRRS-Datenbank (HRRS database). <https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/4/15/4-223-15.php><https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/4/15/4-223-15.php>
5. Ўзбекистон Республикаси Олий судининг Жиноят ишлари бўйича судлов ҳайъати томонидан 2024 йилнинг тўртинчи чорагида тафтиш тартибида кўрилган ишлар бўйича суд амалиёти обзори (Review of judicial practice in criminal cases considered by the Judicial Panel for Criminal Cases of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan in the supervisory review procedure in the fourth quarter of 2024) [Обзор судебной практики по уголовным делам, IV квартал 2024 года (Review of judicial practice in criminal cases, fourth quarter of 2024)]. Sud.uz. <https://sud.uz/wp-content/uploads/2025/01/jib4.pdf><https://sud.uz/wp-content/uploads/2025/01/jib4.pdf>
6. Khudaykulov, F. (2022). Причинная связь в уголовном праве и ее соотношение с детерминизмом (Causation in criminal law and its relationship with determinism). Общество и инновации (Society and Innovations), 3(8/S), 122–131. <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol3-iss8/S-pp122-131><https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol3-iss8/S-pp122-131>
7. Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 27.06.2007 № 6 «О судебной практике по делам о причинении умышленного телесного повреждения» (Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan dated June 27, 2007 No. 6 “On judicial practice in cases concerning intentional bodily injury”). Lex.uz. <https://lex.uz/docs/1592421><https://lex.uz/docs/1592421>
8. Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 26.06.2015 № 10 «О некоторых вопросах судебной практики по делам, связанным с преступлениями против безопасности движения и эксплуатации транспорта»

(Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan dated June 26, 2015 No. 10 “On certain issues of judicial practice in cases related to crimes against traffic safety and the operation of transport”). Lex.uz. <https://lex.uz/ru/docs/2710286><https://lex.uz/ru/docs/2710286>

9. *conditio sine qua non* — условие, без которого нет (Latin: a condition without which the result would not occur)

10. Bundesgerichtshof [BGH] (Federal Court of Justice). (1993, March 30). Urteil 5 StR 720/92 (Judgment 5 StR 720/92), BGHSt 39, 195 (alternative Kausalität / alternative causation). HRRS-Datenbank (HRRS database). <https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/5/92/5-720-92.php><https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/5/92/5-720-92.php>

11. Bundesgerichtshof [BGH] (Federal Court of Justice). (1995, August 2). Urteil 2 StR 221/94 (Judgment 2 StR 221/94), BGHSt 41, 206 (Holzschutzmittel / wood preservatives). HRRS-Datenbank (HRRS database). <https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/2/94/2-221-94.pdf><https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/2/94/2-221-94.pdf>

YURISPRUDENSIYA

7 ЖИЛД, 2 СОН

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

ТОМ 7, НОМЕР 2

JURISPRUDENCE

VOLUME 7, ISSUE 2

Editorial staff of the journals of www.tadqiqot.uz
Tadqiqot LLC The city of Tashkent,
Amir Temur Street pr.1, House 2.
Web: <http://www.tadqiqot.uz/>; Email: info@tadqiqot.uz
Phone: (+998-94) 404-0000

Контакт редакций журналов. www.tadqiqot.uz
ООО Тадqiqот город Ташкент,
улица Амира Темура пр.1, дом-2.
Web: <http://www.tadqiqot.uz/>; Email: info@tadqiqot.uz
Тел: (+998-94) 404-0000